

40 ЛЕТ
ВЕЛИКОЙ
ПОБЕДЫ

Ю. В. Арутюнян, С. Ф. Ремизова

**О ТРУДОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
МНОГОНАЦИОНАЛЬНОГО СОВЕТСКОГО КРЕСТЬЯНСТВА
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ**

Современная война — самое тяжелое испытание «на прочность» доминирующих систем социальных отношений. Готовясь к войне с Советским Союзом, гитлеровцы рассчитывали спровоцировать и, соответственно, использовать в собственных интересах «противоречия» — как с надеждой говорилось в так называемой «Зеленой папке» Геринга, — между грузинами, армянами, татарами и другими, на его жаргоне, «туземцами» — с одной стороны, и русскими — с другой¹. Делалась ставка на то, что серьезные экономические трудности, вызванные войной, приведут к краху социально-политических основ советского государства, подорвут его изнутри.

С первых же дней войны, при всей тяжести ее, обнаружилась полная несостоятельность подобных расчетов, связанных с непониманием устойчивости сформировавшейся в СССР социальной и интернациональной общности — советского народа.

В сельском хозяйстве, в отличие от промышленности, крупное общественное производство сформировалось лишь незадолго до Великой Отечественной войны. Но, несмотря на свою молодость, колхозный строй обнаружил достаточную прочность, и колхозное крестьянство всех народов страны оказалось способным совершить в годы войны «подвиг, равного которому не знает история»².

В данной связи, прежде всего, возникает проблема общего порядка: чем это было обусловлено? Ведь многое в колхозном строительстве еще не было доведено до конца. И если молодые колхозы во всех республиках все-таки выполнили свою миссию — смогли решить продовольственную проблему в стране, то это свидетельствует о жизнеспособности и больших потенциальных возможностях колхозного крестьянства СССР, о сплочении многонационального советского крестьянства.

* * *

Трудовая деятельность крестьянства СССР в военные годы была подчинена обеспечению продуктами сельского хозяйства в первую очередь сражающейся армии. Решение этой жизненно важной проблемы во многом зависело от эффективности использования трудовых ресурсов деревни. А они резко сократились в связи с мобилизацией в действующую ар-

¹ Советская Армения в годы Великой Отечественной войны (1941—1945). Сборник документов и материалов. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1975, с. 172.

² 50 лет Великой Октябрьской социалистической революции. Тезисы ЦК КПСС. М.: Политиздат, 1967, с. 22.

Таблица 1*

Численность мужчин и женщин, занятых в сельском хозяйстве в годы войны, в тыс. чел.

Республики	На 1.1.1943		На 1.1.1944	
	мужчины	женщины	мужчины	женщины
РСФСР	2364,4	8318,3	2331,1	10382,9
в т. ч. в тыловых районах	1948,3	6878,3	1551,7	6533,0
Азербайджанская ССР	153,9	306,5	146,6	294,4
Грузинская ССР	229,0	354,9	223,4	349,6
Армянская ССР	89,4	170,9	87,6	166,5
Туркменская ССР	88,8	116,5	55,2	110,9
Узбекская ССР	557,4	726,3	360,6	671,3
Киргизская ССР	97,3	180,5	66,3	164,2
Казахская ССР	246,6	665,3	216,3	623,6
Таджикская ССР	232,3	123,2	176,7	152,0

* Свод отчетов колхозов страны за период Отечественной войны. — Исторический архив, 1962, № 6, с. 36.

мию (основную часть ее составляло крестьянство, как наибольшая по численности категория населения).

В первые три года войны число трудоспособных мужчин в колхозах тыловых районов уменьшилось почти в четыре раза. Сокращение наиболее дееспособной части мужского сельского населения, выполнявшей как самые квалифицированные, так и тяжелые физические работы, сильно осложнило положение в сельском хозяйстве. В целом численность трудоспособных колхозников в тыловых районах сократилась с 18,2 млн. чел. до 11,4 млн. чел., т. е. более чем на треть³. Сколько-нибудь заметных различий между крестьянами разных национальностей в этом отношении, естественно, не было. Доля трудоспособных колхозников во второй половине войны (1944 г.) по республикам сократилась примерно одинаково: по сравнению с довоенным уровнем (1940 г.); их число в областях, краях и республиках РСФСР уменьшилось до 50—73%, в Средней Азии — до 61—76%, в Закавказье — до 67—77%⁴.

В этой специфической кадровой ситуации приобрел особый смысл характерный и в прошлом для партии курс выдвижения женщин и ориентации их на исполнение активных производственных ролей.

В первые же годы войны женщины стали главной производительной силой в сельском хозяйстве всех республик (см. табл. 1).

Процесс усиления производственной активности женщин, приобретения ими новых социальных ролей имел свою специфику в разных национальных средах — ведь в ряде республик, особенно на Кавказе и в Средней Азии — выдвижению женщин мешали старые обычаи. Зачастую родители и родственники, да и руководители МТС и колхозов относились к участию женщин в общественном труде предвзято. Их брали на организационную работу неохотно, обычно на вспомогательные, второстепенные роли. Для преодоления традиционных представлений об ограничении функций женщины кругом домашних работ при райкомах партии стали вводить должность женорга, создавались комиссии по работе среди женской молодежи, которые должны были вести разъяснительную работу и бороться со старыми привычками. Уже в 1942—1943 гг. женщин здесь постепенно стали приобщать к руководству колхозами, тракторными бригадами, фермами, да и к другим занятиям, считавшимся ранее чисто мужскими. Например, в Дагестане женщины становились даже чабанами, хотя при отгонном скотоводстве эта работа исключительно

³ Свод отчетов колхозов страны за период Отечественной войны. — Исторический архив, 1962, № 6, с. 36.

⁴ Там же, с. 37.

трудна⁵. Удельный вес женщин коренных национальностей среди руководящих работников в колхозах повсеместно возрастал (см. табл. 2).

Разница в масштабах привлечения женщин к организационной работе между национальными регионами была весьма значительна. По этому признаку можно выделить три крупных района:

1. Нетыловые — т. е., прифронтовые, которым грозила оккупация; там из женщин особенно активно формировались руководящие кадры колхозов и они численно преобладали (53,6%) — это республики Европейской части СССР;

2. Тыловые районы, где роль женщин была весьма существенна, но все же их доля среди председателей колхозов и других руководящих работников была меньше, чем в первой группе (около трети).

3. Особо следует выделить среди тыловых республики Средней Азии и Закавказья, где доля женщин в административном аппарате колхозов была наименьшей (около 12%), что имело не столько «ситуационные» (наличие сравнительно большого числа мужчин), сколько традиционные корни — влияние пережитков, задерживающих вовлечение женщин в общественную жизнь.

В целом по СССР в конце 1943 г. на руководящую работу в колхозах — председателями, бухгалтерами, бригадирами, заведующими животноводческими фермами — было выдвинуто почти 400 тыс. женщин⁶, большинство которых не имело специального образования.

Несколько иначе решалась проблема кадров механизаторов, которых, в отличие от колхозных организаторов, необходимо было специально обучать. Готовить новых механизаторов приходилось в огромных масштабах, так как машинно-тракторные станции, располагавшие большой армией технически грамотной молодежи, с самого начала войны оказались одним из основных источников пополнения моторизованных войск Красной Армии. И если до войны среди рабочих машинно-тракторных станций женщин было мало, то с началом войны они стали главным резервом их комплектования. Из 286 тыс. механизаторов, экстренно подготовленных к уборке урожая 1941 года, 190 тыс. чел., т. е. две трети, составляли женщины⁷. Конечно, и здесь число их было неодинаковым в разных национальных регионах. Но в целом из 2 млн. механизаторов, подготовленных за годы войны, женщины составляли 1,5 млн. чел.⁸ Так была решена проблема качественного возмещения убыли рабочей силы в связи с военной мобилизацией. Второй ее стороне — количественному возмещению — также уделялось большое внимание. Были использованы все резервы: в производство включились не только женщины, но и подростки, и престарелые. В 1942 г. в колхозах работало 6,1 млн. подростков, престарелых и больных⁹. Более полное использование трудовых ресурсов составляло специфическую особенность военного времени. Однако вовлечение в производство всех слоев крестьянского населения лишь облегчало, но не решало полностью проблемы рабочей силы. Положение осложнялось еще и тем, что вслед за уменьшением мужского сельского населения, ушедшего в армию и в промышленность, на селе, правда, незначительно, стало убывать также число женщин и подростков — их поглощала промышленность.

По существу, единственно возможным путем возмещения дефицита рабочей силы было максимальное увеличение нагрузки на каждого работающего. Все способные трудиться должны были не просто работать, но работать как можно производительнее.

⁵ К середине 1943 г. более 10 тыс. женщин Дагестана занимали руководящие должности в колхозном производстве. См., например: *Мелешко А. Г.* Трудовой героизм женщин-колхозниц Дагестана в годы Великой Отечественной войны. — Уч. зап. Дагестанского ин-та истории, языка и литературы, т. VIII. Махачкала, 1960, с. 314—316.

⁶ *Арутюнян Ю. В.* Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. М.: Наука, 1963, с. 100.

⁷ Там же, с. 103.

⁸ Там же, с. 104.

⁹ Свод отчетов колхозов страны за период Отечественной войны, с. 37.

Таблица 2*

Удельный вес женщин, занятых на организационной работе в колхозах, в %

Республики	Председатели колхозов			Счетоводы и бухгалтеры			Бригадиры			Зав. животноводческими фермами		
	1940	1944	1945	1940	1944	1945	1940	1944	1945	1940	1944	1945
РСФСР	3,1	14,7	10,4	1,1	61,1	53,1	6,7	52,7	37,6	20,7	59,6	47,9
Украинская ССР	0,6	4,0	2,4	10,7	56,9	46,2	1,2	36,3	15,2	6,1	43,2	20,6
Молдавская ССР	0,5	3,5	2,2	12,3	50,3	39,0	0,9	28,5	10,8	4,8	19,3	13,4
Белорусская ССР	2,3	14,6	4,7	12,2	71,7	57,2	1,7	53,7	27,6	9,0	65,7	34,0
Азербайджанская ССР	0,9	2,5	2,6	13,3	14,1	12,4	0,3	4,4	3,3	3,0	7,8	7,9
Грузинская ССР	0,6	1,7	1,3	6,8	41,7	38,2	0,5	4,0	3,0	1,6	13,2	11,6
Армянская ССР	0,5	0,9	0,7	2,4	29,7	24,1	0,6	5,1	4,0	2,9	11,2	7,6
Туркменская ССР	1,5	2,2	1,6	0,4	15,7	11,9	1,0	7,7	5,8	1,4	2,9	3,7
Узбекская ССР	0,2	2,2	1,0	2,2	12,1	8,7	1,7	1,9	1,8	1,2	1,7	1,2
Таджикская ССР	1,4	0,7	0,6	0,7	7,8	4,7	1,5	2,2	2,3	1,0	2,3	0,5
Киргизская ССР	0,8	2,9	2,1	3,0	25,8	19,2	0,9	12,0	8,3	7,0	18,9	11,1
Казахская ССР	1,4	3,4	2,1	3,2	36,4	27,9	1,8	13,7	9,4	11,3	25,9	18,9

* См.: Арутюнян Ю. В. Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. М.: Наука, 1963, с. 404.

Важным инструментом регулирования трудовой деятельности колхозников во время Великой Отечественной войны было увеличение обязательного минимума трудодней, закон о котором был принят еще в мае 1939 г.

Война, обострив проблему трудовых ресурсов, привела к изменениям и в законе об обязательном минимуме трудодней. В Постановлении ЦК ВКП(б) и СНК СССР, принятом в феврале 1942 г., обязательный минимум увеличивался в полтора раза: в хлопковых и некоторых других районах СССР — до 150 трудодней в год (до войны — 100), в основных сельскохозяйственных районах — до 120 (до войны — 80), в остальных — до 100 (до войны — 60). Кроме того, в целях обеспечения более ровного использования рабочей силы в Постановлении задавался определенный ритм выполнения минимума: оговаривалось, сколько трудодней должно быть выполнено на весенних работах, сколько — на прополке и уборке. Члены семей колхозников — подростки в возрасте от 12 до 16 лет — также получили трудовые книжки и были обязаны выработать не менее 50 трудодней в год.

Обязательный минимум трудодней был как организующей, так и воспитательной мерой. Государство не только требовало его выполнения, но и создавало объективные условия для этого. Для обеспечения максимального вовлечения в производство женщин-колхозниц и выработки ими обязательного минимума трудодней даже в тяжелых условиях войны увеличивалось число детских садов, яслей, площадок.

Закон систематически разъяснялся колхозникам, доводился до каждого. Подавляющее большинство колхозников выполняло обязательный минимум. Невыполнение обычно объяснялось уважительными причинами — болезнью и др. Например, в Киргизии, по неполным данным, за первую половину 1942 г. не выработали установленного минимума трудодней 23358 колхозников, из них по неуважительным причинам всего 5800 чел. В целом во время войны удельный вес трудоспособных колхозников, не справившихся с обязательным минимумом, сократился повсеместно¹⁰.

Сокращение числа колхозников, не выработавших обязательный минимум трудодней, было не столько следствием применения соответствующего закона, сколько результатом усиления трудовой активности крестьянства благодаря умелому сочетанию в руководстве им материальных и моральных стимулов поощрения и всему комплексу организационных и правовых мер Советского государства в отношении крестьянства.

Первым производственным испытанием, которому подверглось колхозное крестьянство с началом войны была уборка урожая 1941 г., особенно сложная на территории РСФСР и УССР, находившихся под угрозой оккупации. Благодаря массовой ускоренной подготовке кадров механизаторов летом 1941 г. (когда срок обучения трактористов был сокращен в пять—шесть раз), машинно-тракторные станции к началу уборочных работ получили необходимое число механизаторов, $\frac{2}{3}$ которых — 190 тыс. чел. — составляли женщины¹¹. Техника была приведена в готовность, но машин не хватало, и приходилось вести уборку вручную. К уборке были широко привлечены работники административно-управленческого аппарата колхозов — счетоводы, бухгалтеры, бригадиры. Работали от зари до зари. Чтобы стимулировать уборку, в прифронтовой полосе половину собранного урожая выдавали тем, кто собрал его. Остальной намолоченный хлеб тут же сдавали государству и вывозили. На большей части Украины — в то время главной хлебной житницы страны — колхозы успешно выполнили план государственных поставок хлеба, сверх того сдавали продовольствие в фонд обороны, обеспечив армию на территории республики. По неполным данным, за август и 23 дня сентября из УССР было вывезено 12,5 млн. ц зерна и других сельскохозяй-

¹⁰ Там же, с. 38, 39.

¹¹ Арутюнян Ю. В. Из истории МТС в период Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. — Вопросы истории, 1958, № 8, с. 87.

ственных продуктов¹². То, что не удавалось убрать или вывезти, уничтожали, чтобы не досталось противнику: жгли, запахивали хлеб, скашивали ботву свеклы и картофеля.

В тыловых районах урожай был в основном убран. Труженики колхозного тыла достойно заменяли ушедших в Красную Армию. В печати рассказывалось о героическом труде женщин в эту трудную пору. Например, в колхозе «Моцинаве» Телавского района Грузии, где в мирное время женщины вообще не работали на жатве, уже в первый год войны они по почину учительницы сельской школы за короткое время и без потерь собрали весь урожай зерновых¹³.

Уборка урожая 1941 г. оценивалась как одна из первых побед на хозяйственном фронте. План заготовок в тыловых районах был выполнен на 80%, в закрома государства поступило свыше миллиарда пудов хлеба, причем 83% его было заготовлено колхозами¹⁴. Многонациональное колхозное крестьянство продемонстрировало сплоченность и готовность отдать свои силы на общее дело обороны. По существу, это была первая за годы войны проверка социально-политического единства колхозного крестьянства.

Экономическая ситуация в первый год войны осложнялась необходимостью организованной эвакуации людей и материальных ценностей с оккупированной территории. Эвакуация имела беспрецедентный размах: только из Белоруссии было вывезено 1,5 млн. чел., свыше 100 предприятий союзно-республиканского значения, 190 детских учреждений, 45 тыс. т зернопродуктов, 5 тыс. тракторов, 674 тыс. голов скота¹⁵. Наиболее значительная работа по эвакуации была проведена в Украинской ССР. Перед украинскими крестьянами лежал дальний путь, им приходилось преодолевать много водных преград, нередко под обстрелом врага, стремившегося не дать вывезти людей, скот и материальные ценности.

В процессе эвакуации еще раз проявилась общность интересов крестьянства национальных регионов страны. Значительная часть эвакуированных ресурсов сельского хозяйства была размещена за пределами РСФСР¹⁶. В связи с нехваткой кормов и недостатком помещений колхозы стремились не оставлять эвакуированный скот на зимовку и сдавали его в счет мясопоставок текущего или будущего (авансом) года, сохраняя при этом в целости собственное поголовье. Из оккупированных и прифронтовых районов до тыловых колхозов дошло 13% стада¹⁷. При всей важности выполнения мясопоставок руководящие органы предостерегали колхозы от неоправданного убоя скота, заботились о сохранении племенного стада.

Летом 1942 г. в связи с развернувшимся фашистским наступлением в южных районах началась новая волна эвакуации. Основной поток эвакуированных двигался в Казахстан, переправляясь через Волгу под налетами вражеской авиации. Второй, менее значительный поток эвакуированных шел через Дагестан (вдоль Каспия) в Азербайджан.

В 1942 г. из зоны военных действий было выведено более $\frac{2}{3}$ стада, часть скота была сдана на мясо. Эвакуировалась также техника, хотя и менее результативно: в 1942 г. было вывезено только 10% тракторов и 2% комбайнов¹⁸.

Эвакуированные пополняли и трудовые ресурсы колхозов восточных районов страны: так, на 1 января 1943 г. на территории Новосибирской,

¹² Данилюк М. З. Трудовой подвиг колхозного крестьянства Украины в годы Великой Отечественной войны.— Вопросы истории, 1959, № 6, с. 5, 6.

¹³ Бабалашвили И. П. Грузинская ССР в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Тбилиси: Сабчота Сакартвело, 1977, с. 83.

¹⁴ Центральный Государственный Архив Октябрьской Революции (далее — ЦГАОР СССР), ф. 5446, он. 48, л. 390, л. 82.

¹⁵ История Белорусской ССР. Минск: Наука и техника, 1977, с. 375—376.

¹⁶ ЦГАОР СССР, ф. 5446, он. 44, д. 817, л. 26.

¹⁷ Подсчитано по материалам ЦГАОР СССР, ф. 5446, оп. 44, д. 817, л. 4—5.

¹⁸ Арутюнян Ю. В. Советское крестьянство..., с. 46.

Кемеровской и Томской областей в колхозах работало примерно 60 тыс. трудоспособного эвакуированного населения, что составляло почти 18% проживающих там трудоспособных колхозников¹⁹. Что касается квалифицированных сельскохозяйственных кадров, то в общей сложности (по данным 32 областей, краев и республик) из 5086 эвакуированных специалистов и руководящих работников сельского хозяйства в МТС, колхозах и земельных органах работало 4845 чел.²⁰

Эвакуация сельскохозяйственных ресурсов была, наряду с уборкой урожая первого военного года, проверкой сплоченности колхозного крестьянства разных национальных регионов страны. Эвакуация, помимо прочего, увеличила контакты сельских жителей разных национальностей, расширила диапазон и частоту межнационального общения.

Руководя проведением экстренных сельскохозяйственных мероприятий — уборкой урожая 1941 г. и эвакуацией колхозов — партия и государство вместе с тем вырабатывали новую стратегическую линию, стимулируемую тем обстоятельством, что в результате оккупации Советский Союз был лишен своей главной сельскохозяйственной базы: всесоюзных житниц (Украина, Северный Кавказ), центров свеклосеяния (Украина) и льноводства (Белоруссия, северо-запад РСФСР). Для компенсации потерь был форсирован принятый еще до войны (в апреле 1940 г.) курс на расширение продовольственной базы на востоке страны. В постановлении Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) от 16 августа 1941 года предусматривалось значительное расширение посевных площадей под урожай 1942 г. в колхозах Урала, Сибири, Средней Азии, Казахстана и других районов на 6 млн. га. Вместе с тем, весной 1942 г. началось движение за сверхплановое расширение посевов: в колхозах засеивались дополнительные гектары в фонд обороты. Кроме расширения посевных площадей на востоке, партия и правительство планировали превратить так называемые потребляющие зерновую продукцию регионы (прежде всего, среднеазиатские и закавказские республики) в производящие.

С потерей зерновых житниц в Европейской части СССР в решении продовольственной проблемы возникла дилемма: как лучше компенсировать эту потерю — за счет экстенсивных мер (расширение посевных площадей) или за счет повышения интенсивности использования сохранившейся пашни? Выбор был труден: ведь когда до войны правительство принимало решения о развитии сельского хозяйства на востоке страны, оно одновременно создавало материально-финансовые условия для выполнения этих решений (в частности, предоставлялась техника). В военное время поставки тракторов и сельскохозяйственных машин не только прекратились — наоборот, часть машинно-тягловой силы колхозов была передана армии. В этих условиях в связи с уменьшением энергоресурсов возросла ценность ручного труда, но ведь и людские ресурсы значительно сократились. Следствием колоссального уменьшения трудовых ресурсов деревни, которое происходило одновременно со снижением уровня механизации, и явилось то обстоятельство, что план расширения посевных площадей в восточных районах не был выполнен, вспаханные земли иногда не осваивались и вновь забрасывались. В 1942 г. по сравнению с 1940 г. уборочные площади зерновых вообще не выросли, несмотря на рост посевных. А в 1943 г. наиболее устойчивый рост уборочных площадей происходил чаще не там, где был взят курс на расширение посевов, а в районах, относительно обеспеченных рабочей силой и живым тяглом²¹.

Посевы зерновых культур расширялись не столько в результате освоения новых земель, сколько за счет вытеснения других порой стратегически важных культур, включая даже хлопчатник (в среднеазиатских республиках).

¹⁹ Там же, с. 48.

²⁰ Центральный Партийный Архив Ин-та марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (далее — ЦПА ИМЛ), ф. 112 оп. 4, ед. хр. 5, л. 167.

²¹ Арутюнян Ю. В. Советское крестьянство..., с. 163.

В целом же проблема превращения районов преимущественно потребляющих продовольствие в производящие, пусть дорогой ценой, но была решена. Даже в среднеазиатские республики завоз хлеба почти прекратился. В Таджикистан, например, в 1939 г. было завезено 110 тыс. т зерна, а в 1943 г. — всего около 16 тыс. т²². Вместе с тем, целиком преодолеть тяжелые для сельского хозяйства последствия войны, когда так пострадали людские и производственные ресурсы, конечно, было невозможно.

По зерновым районам в целом урожайность зерновых по сравнению с довоенным периодом упала почти вдвое²³. Соответственно, снизились и валовые сборы.

Особенно тяжелым был 1943 год. Со второй половины весны и в течение всего лета в Поволжье, Западном Казахстане и на Северном Кавказе стояла засуха, вызвавшая большой недород. В таких условиях требовалось улучшить уход за посевами, усилить срошение, активизировать борьбу с сорняками и др. Между тем, уровень агротехники в 1943 г. был как никогда низок. Трудности как бы наслаивались одна на другую. Сев, проведенный в поздние сроки, нередко некондиционными семенами, привел к появлению изреженных, угнетенных всходов, за которыми практически не было никакого ухода. В результате в 1943 г. урожайность многих сельскохозяйственных культур была даже ниже, чем в 1942 г.²⁴

Война серьезно осложнила и развитие животноводства. Свернулось строительство животноводческих ферм, острее стал ощущаться недостаток помещений для скота. Ухудшилось ветеринарное обслуживание, что привело к распространению различных эпизоотий, особенно в прифронтовых районах (в связи с эвакуацией скота). Резко сократилась и кормовая база — главное условие развития животноводства. Уменьшилось производство концентрированных кормов, удельный вес которых в рационе скота составлял до войны в разных районах от 30 до 46%. Снизилось производство фуражных зерновых культур. Картофель теперь практически не шел на корм скоту. Для компенсации недостатка концентрированных кормов колхозы должны были использовать заготовленные собственными силами грубые и сочные корма, для чего им приходилось самим силосовать кормовые культуры, дикорастущие травы, пищевые отходы.

От сокращения объема концентрированных кормов в первую очередь пострадало поголовье свиней, количество которых в колхозах тыловых районов с 1941 по 1943 г. уменьшилось почти вдвое. Существенно уменьшилось и число лошадей — не только из-за мобилизации их для нужд армии, но и в результате нехватки овса. На крупном рогатом скоте, овцах и козах сокращение концентрированных кормов сказалось менее болезненно. Но общим для всех видов скота явлением было сокращение приплода и рост падежа. Наибольшие потери приходились на хозяйства центральных и юго-восточных районов Европейской части СССР, где скопилось много эвакуированного скота. К тому же в связи с широким использованием молочного скота на полевых работах увеличивалась яловость коров, что затрудняло воспроизводство стада.

Недостаток естественного прироста колхозного стада восполнялся из других источников, главным образом, путем покупки скота у колхозников. Особенно много его было куплено у колхозников в 1942 г. — около 2,5 млн. голов крупного рогатого скота, 0,2 млн. свиней, 1,7 млн. овец и коз. Крупный рогатый скот, законтрактованный у колхозников, составлял 15—20% колхозного стада²⁵.

Конечные результаты, достигнутые в животноводстве, были лучше, чем в земледелии. В то время как урожай основных культур в тыловых районах уменьшились с 1940 по 1943 г. в 1,5—2 раза, поголовье продук-

²² Сечкина Л. П. Трудовой подвиг таджикского народа в годы Великой Отечественной войны. Сталинабад: Изд-во АН ТаджССР, 1960, с. 72—76.

²³ Арутюнян Ю. В. Советское крестьянство..., с. 156.

²⁴ Там же, с. 160.

²⁵ Там же, с. 183.

тивного скота (за исключением свиней) не падало там ниже, чем на 8—11%. Сравнительно устойчивыми оказались и качественные показатели, в то время, как в земледелии они повсеместно ухудшились. Такая ситуация сложилась в силу того, что в 30-е годы земледелие частично стало механизированным, в животноводстве же продолжал господствовать ручной труд. Хотя в деревне не были еще преданы забвению традиции ручного труда, и в трудное военное время дедовские плуги, сеялки, серпы и др. могли сослужить колхозникам добрую службу, возместить потери механизации в земледелии было невозможно. В животноводстве положение было несколько лучше еще и потому, что здесь и до войны решающую роль играл женский труд, а женская рабочая сила пострадала в меньшей мере. Наконец, мясopоставки были облегчены за счет эвакуированного стада. Земледелие же аналогичного резерва не имело.

В конечном счете, несмотря на возраставшие трудности, несмотря на скудость сельскохозяйственных ресурсов, советское крестьянство, сумело ценой героических усилий и самопожертвования выделить для страны необходимый минимум продовольствия, достаточный для снабжения населения и бесперебойных поставок в действующую армию.

Еще до войны колхозы сдавали продукты государству не с площади посевов, а с каждого гектара пашни, закрепленной за ними. Тем самым гарантировался заранее фиксированный объем заготовок.

Тогда же государство стремилось гарантировать и размеры заготовок, поступавших в качестве натуроплаты за работу МТС — что было важнейшим, наряду с обязательными поставками, средством мобилизации колхозной продукции.

В годы войны количество продукции, аккумулируемой натуроплатой (несмотря на завышенные ставки) не могло не уменьшиться, так как общий объем тракторных работ в колхозах сократился. В этих условиях новым важным источником продовольствия стали отчисления в фонд обороны. Последние были введены в 1942 г. и сразу заняли настолько большое место в заготовках, что полностью компенсировали сокращение поступления зерна через натуроплату.

Вся продукция, получаемая государством по заготовкам, оплачивалась по очень невысоким ценам. Тот факт, что государству удавалось таким образом заготавливать во все возрастающих масштабах львиную долю товарной продукции колхозов, говорил о многом — и прежде всего о том, что основная масса колхозников понимала свой долг перед Родиной и не останавливалась для достижения победы ни перед чем.

В целом колхозы направляли в распоряжение государства по различным каналам до половины продукции зерновых. В годы гражданской войны государство заготавливало по продразверстке только 17% валового сбора хлеба и тем не менее, это вызывало недовольство. Самоотверженность колхозного крестьянства в годы войны была проявлением изменившейся социальной природы крестьянства, объединенного в колхозы, проявлением прочности советской политической системы, единства всех классов и слоев советского общества, в конечном счете — признанием авторитета партии в деревне и результативности ее политико-воспитательной работы.

Однако заготовки при всей их важности были лишь одной из форм помощи крестьянства государству, армии, в напряженной битве с фашизмом — правда, формой главной и решающей.

Помощь шла и по другим каналам. Повсеместно были увеличены различные платежи — введен военный налог, среди населения распространялись облигации военных займов. Налоги и денежные сборы с колхозов в 1940 г. составляли 10,7% их денежных доходов, в 1943 г. — 12%, в 1944 г. — 12,8%, в 1945 г. — 15,7%²⁸.

Сверх того, 5—7% своих доходов (что составляло от трети до половины отчислений в неделимые фонды) колхозы ежегодно выделяли на приобретение облигаций военного займа. Подписчиками выступали как кол-

²⁸ Арутюнян Ю. В. Советское крестьянство..., с. 206.

хозы в целом, так и колхозники. План подписки, как правило, перевыполнялся: почти все колхозники сразу полностью оплачивали стоимость облигаций. Наиболее высокий результат сбора средств по займу на селе был в Таджикской ССР: там было размещено подписки на заем в 1942 г. — на 145,9 млн. руб., в 1943 г. — на 197,0 млн. руб., в 1944 г. — на 250,4 млн. руб.²⁷

Вплоть до 1944 г. размеры займа ежегодно возрастали, а всего за 1942—1945 гг. государственный бюджет получил от подписки на заем около 90 млрд. руб. Доля трудящихся деревни в общей сумме подписки постоянно увеличивалась: в 1942 г. она составляла 20%, к 1944 г. возросла до 40%. В общей сложности на выплату налогов, сборов и приобретение облигаций шла примерно пятая часть доходов колхозов, почти такова же была и доля личных вкладов колхозников.

Важным каналом мобилизации материальных ценностей и денежных ресурсов населения были сборы в фонд обороны, начавшиеся вскоре после нападения гитлеровцев на нашу страну. Колхозники сдавали в фонд обороны деньги, облигации, драгоценности. Женщины расставались с украшениями. В Туркменской ССР в колхозе «Кызыл Кошу» в фонд обороны поступило 82 кг серебра²⁸. В Армении к 18 августа 1942 г. было внесено в фонд обороны 19.815 тыс. руб., 1369 г золота и 212 кг серебра²⁹. А всего к середине 1942 г. в Госбанк СССР поступило около 5 млрд. руб. деньгами и облигациями государственных займов, 94 кг золота, 9 тыс. кг серебра, много платины, драгоценностей³⁰.

Повсеместно широко развернулось также патриотическое движение по сбору средств на строительство военной техники. На собранные деньги строились десятки танковых колонн, эскадрилий самолетов, артиллерийских батарей. Например, труженики сельского хозяйства Таджикистана собрали 84 млн. руб. на танковую колонну «Колхозник Таджикистана», внесли 35,2 млн. руб. на постройку эскадрильи «Советский Таджикистан», а Ленинабадский район собрал средства на артиллерийскую батарею «Колхозник Ленинабадского района»³¹. Танковая колонна «Колхозник Армении» была сформирована на деньги сельских тружеников Армянской ССР, собравших 46 млн. руб.; они же внесли 21 млн. руб. в фонд строительства республиканской эскадрильи «Советская Армения»³².

Получила распространение практика крупных индивидуальных взносов на постройку военной техники. В Таджикской ССР в 1944 г. при сборе средств на постройку эскадрильи «Советский Таджикистан» бригадир колхоза им. Сталина Ленинабадского района Хосият Бободжанова внесла 50 тыс. руб.; председатель колхоза «Кзыл-Пахта» Куйбышевского района Мирганов внес 30 тыс. руб., а в руководимом им колхозе было собрано еще 28 тыс. руб.³³

В общей сложности за 1941—1945 гг. в фонд обороны поступило более 16 млрд. руб. деньгами, 4,5 млрд. руб. облигациями государственных займов, много драгоценных металлов и т. д.³⁴

Еще одним свидетельством связи фронта и тыла был сбор теплых вещей для фронтовиков, отправка на фронт подарков, особенно к праздникам. Только за три месяца 1941 г. на фронт поступило 1,2 млн. пар валенок, 2,2 млн. пар шерстяных перчаток и рукавиц, свыше 2 млн. полушубков и т. д. Лишь в одной Саратовской области собрали столько одежды, белья, валяной обуви, шерсти и кож, что их могло хватить по меньшей мере для 15 дивизий³⁵.

²⁷ Сечкина Л. П. Указ. раб., с. 5.

²⁸ Базаров Р. А. Помощь молодежи Туркменской республики фронту в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. — Изв. АН ТуркмССР, 1956, № 5, с. 50.

²⁹ Советская Армения в годы Великой Отечественной войны, с. 118.

³⁰ Неиссякаемый источник народной инициативы. — Большевик, 1943, № 1, с. 10.

³¹ Сечкина Л. П. Указ. раб., с. 118.

³² Арутюнян Ю. В. Советское крестьянство..., с. 313.

³³ Сечкина Л. П. Указ. раб., с. 118.

³⁴ БСЭ, т. 45, с. 292 (Изд. 2).

³⁵ Калинин М. И. Отечественная война советского народа против немецких захватчиков. — Большевик, 1941, № 24, с. 23—24; Ильин Б. И. Патриотическое движение сара-

Но не только о бойцах заботились колхозники. Так, в сентябре 1942 г. колхозники Куриловского района Саратовской области на 56 подводах привезли для рабочих одного из саратовских заводов картофель, собранный с приусадебных участков, причем продавали его рабочим по твердым государственным ценам. Такие случаи были далеко не единичны и нагляднее всяких слов показывали социальную монолитность советского общества.

Колхозное крестьянство тыловых районов РСФСР, Закавказья и Средней Азии посылало вагоны с подарками в города страны, наиболее пострадавшие от фашистской агрессии. Ленинград регулярно получал посылки со всех концов страны. Летом 1942 г. только из Таджикистана туда было отправлено 50 вагонов с овощами, фруктами, мясом, рисом, кондитерскими изделиями³⁶. Продукты посылали и на фронт. 17 февраля 1942 г. в Армении местная газета «Коммунист» сообщала: «Вчера вечером со станции Ереван отправлен на фронт специальный поезд с подарками от колхозников Армении... 11 вагонов подарков — весом около 100 тонн. В числе посланных подарков 6 т превосходного лаваша, 3,5 т сыра, 1 т сливочного масла, 1,7 т свинины, 27 бараньих туш, 3,5 т сушеных фруктов, 500 пачек курительного табака, 8262 индивидуальные посылки, десятки бочек вина и коньяка и других продуктов».

Колхозники заботились о детях фронтовиков и эвакуированных детях, потерявших родителей. В Малинском районе Московской области колхозники создали детский дом для эвакуированных детей фронтовиков, который они не только снабжали всем необходимым, но и сами обслуживали. Часть осиротевших детей устраивали в семьях колхозников, усыновляли. При этом проявлялось национальное единство советского общества: известен пример, когда узбекский колхозник Шаахмет Шамамудов усыновил 14 детей разных национальностей, среди них были русские, белорусы, украинцы, татары³⁷.

Так многообразно проявлялось в годы войны то великое чувство единства, которое спаивало в одно целое фронт и тыл, колхозное крестьянство, рабочий класс и интеллигенцию всех народов.

Энергичные усилия партии дали результаты. Деревня, как и вся страна, была сплочена как никогда, колхозный строй оказался мощной опорой фронта. Благодаря новым производственным отношениям стало возможным максимальное использование производительных сил деревни. Уже в первый период войны сельское хозяйство приспособилось к нуждам военного времени, были изысканы новые материальные и трудовые ресурсы, перестроена энергетическая и топливная база. Несмотря на снижение уровня сельскохозяйственного производства, вызванное ухудшением материально-производственной базы и снабжения, а также ослаблением кадров, колхозы тыловых районов в эти самые трудные для страны годы обеспечивали страну необходимым минимумом продовольствия и сырья.

товского крестьянства в годы Великой Отечественной войны.— Уч. зап. Саратовской областной партшколы. Саратов, вып. 1, 1948, с. 108—109.

³⁶ Советский Таджикистан в Отечественной войне 1941—1945 г. Душанбе: Дониш, 1975, с. 18.

³⁷ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, ед. хр. 1280, л. 149; Каримов И. А. Колхозное крестьянство Узбекистана в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.— Тр. Ташкентского сельхоз. ин-та. Серия общественно-политических наук, 1958, вып. 3.